

M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds.). Deponency and morphological mismatches. Oxford: Oxford University Press, 2007. – xv + 324 p. (Proceedings of the British Academy; 145). – ISBN 978-0-19-726410-2.

На фоне проявившегося в лингвистике последних полутора десятилетий оживленного интереса к собственно морфологической проблематике нужно выделить ряд исследований, посвященных систематическому изучению и теоретическому осмыслению явлений, которые традиционно рассматривались как исключительные и нерегулярные: синкретизма (см. [Baerman et al. 2005] и рецензию [Аркадьев 2006]), супплетивизма (см. [Hippisley et al. 2004; Corbett 2007]), дефектности и др. Ведущую роль в этих исследованиях играет научный коллектив *Surrey morphology group*¹ под руководством известного типолога Гревила Корбета, выпустивший целый ряд монографий и статей по различным областям морфосинтаксиса, рассматриваемых в широком типологическом освещении.

Рецензируемый сборник посвящен как раз одному из нерегулярных морфологических

явлений – отложительности или депонентности (*deponency*). Классическим примером данного феномена служат так называемые отложительные глаголы классических индоевропейских языков, у которых функцию синтаксически активных форм выполняли формы пассивного или медиального залога (типа латинского *hortor* ‘призывать, побуждать’). Данное явление до недавнего времени привлекало внимание лишь специалистов по классическим языкам, а сам термин «отложительность» применялся лишь к нестандартному употреблению залоговых форм в этих языках. Авторы рецензируемого сборника пошли на отчасти рискованный шаг и попытались обобщить данное понятие на целый ряд явлений, когда та или иная грамматическая форма выполняет несвойственные ей функции, и построить типологию так называемой «отложительности в широком смысле» (*extended deponency*) на материале различных языков. В двенадцати статьях сборника представлен, помимо латыни, древнегреческого и санскрита, материал языков Австралии (нги-

¹ См. страницу *Surrey morphology group* в интернете: <http://www.surrey.ac.uk/LIS/SMG/index.htm>.

ямбаа, ивайдя), Америки (керес, юрок, такельма, тубатулабаль), Кавказа (цезского, арчинского), германских языков, испанского, русского, хинди, цыганского, эстонского, японского, чукотского, ряда языков банту и др. Явления, рассматриваемые в статьях сборника, весьма разнородны, и далеко не каждое из них в сколько-нибудь существенной степени похоже на «классическую» депонентность, так что приходится согласиться с Дж. Бобаликом (с. 197), что понятие «отложительности» даже применительно к глагольным категориям «не выделяет естественного класса явлений, допускающих единообразный анализ». Тем не менее, рецензируемый сборник вносит существенный вклад в эмпирическое изучение и теоретическое осмысление большой группы морфологических фактов, до сих пор систематически не изучавшихся.

Сборнику предпослано краткое Введение (с. ix–xi), в котором дается описание явления отложительности в «классическом» и в «широком» смыслах и сжато излагается содержание включенных в сборник статей. Основные теоретические и типологические понятия и проблемы, связанные с отложительностью, обсуждаются в статьях Мэтью Баермана (Matthew Baerman) «Морфологическая типология отложительности» (Morphological typology of deponency, с. 1–19) и Гревилла Корбета (Greville Corbett) «Отложительность, синкретизм и промежуточные явления» (Deponency, syncretism, and what lies between, с. 21–44).

М. Баерман дает определение прототипической (ср. понятие канонического морфологического явления в статье Корбета) отложительности как определенного типа несоответствия (mismatch) между морфологической формой и семантико-синтаксической функцией; для отложительности необходимо наличие морфологической оппозиции (например, активного и пассивного залогов) и лексически ограниченной группы слов, у которых эта оппозиция реализуется с нарушением нормального и продуктивного соотношения между формой и функцией (например, пассивные формы выступают в функции активных, как у лат. *hortor*), и эта реализация сопровождается дефектностью парадигмы, связанной с тем, что депонентные формы данной леммы не способны выражать свое нормальное значение (морфологически пассивные формы *hortor* являются синтаксически активными и не употребляются в функции пассива). Баерман рассматривает различные случаи, когда тот или иной пункт данного определения не выполняется. Например, в языке юрок у любого переходного глагола определенные фрагмен-

ты активной парадигмы выглядят как пассивные, тем самым нарушается условие лексической ограниченности отложительности. В юто-ацтекском языке тубатулабаль наблюдается явление полярности: у ряда глаголов изменение основы, обычно сигнализирующее предельность, обозначает, напротив, непредельность, при этом исходный вариант основы, как правило выступающий в непредельном значении, у данной группы глаголов имеет предельную интерпретацию; важно отметить, что, по-видимому, эти два класса глаголов в тубатулабаль никак не распределены семантически. У так называемых претерито-презентных глаголов готского и других германских языков презенс выглядит подобно претериту «сильных» глаголов, а претерит образуется по модели «слабых» глаголов, т. е. здесь мы имеем дело с довольно изысканным примером гетероклизы (разносклоняемости/разноспрягаемости). Наконец, отложительность может граничить с синкретизмом: цезские лексемы *hexbi* 'ребенок; дети' и *y'anabi* 'женщина; женщины' имеют лишь формы множественного числа (с суффиксом *-bi*), которые могут употребляться также и в значении единственного числа; прототипическая отложительность требовала бы, чтобы морфологически множественные формы были способны употребляться лишь в функции единственного числа.

Г. Корбет предлагает рассматривать отложительность в рамках развиваемого им более общего подхода к языковым явлениям, который он называет «каноническим» (см. [Corbett 2005]). Данная концепция определяет феномены через совокупность различных признаков-требований, которым удовлетворяют лишь «канонические», «идеальные» экземпляры тех или иных явлений. Такого рода «канонические» случаи вовсе не обязаны быть ни частотными, ни даже фактически засвидетельствованными; важно лишь, что они определяют «исходную точку», от которой в ту или иную сторону отклоняются реально существующие явления. Тем самым, канонический подход является удобным средством обозначить и детализировать типологическое пространство, описывающее возможности и пределы вариативности в некоторой предметной области. В статье в настоящем сборнике Корбет рассматривает каноническую словоизменительную систему и различные отклонения от нее, каждое из которых, в свою очередь, может быть определено с «канонической» точки зрения. «Канонические» случаи синкретизма и отложительности являются почти зеркальными противоположностями друг другу, см. Таблицу 1 (ср. с. 35):

Сравнение синкретизма и отложительности

Синкретизм	Отложительность
Синкретичная форма сохраняет «исходную» функцию ²	Депонентная форма не сохраняет «исходную» функцию
Парадигма остается полной	Парадигма оказывается неполной (дефектной)
Оперирует единичными клетками парадигмы	Оперирует целыми подпарадигмами
Является признаком больших классов лексем	Является признаком закрытых классов лексических исключений

Определив таким образом «канонические» случаи синкретизма и отложительности, Корбет рассматривает ситуацию, где эти явления сближаются друг с другом, а именно уже упомянутые цезские лексемы 'ребенок' и 'женщина'. Другой интересный с точки зрения «канонического» подхода случай зафиксирован в арчинском языке, где, с одной стороны, есть существительные, в обоих числах имеющие (различные) показатели множественного числа, и, с другой стороны, имеется супплетивное имя *χ'on* 'корова', у которого формы множественного числа выглядят подобно регулярным формам единственного числа (ср. эргатив ед. числа *χ'ini* vs. эргатив мн. числа *hūc'i-li*, где *-li* является стандартным показателем косвенной основы ед. числа). Корбет заключает, что «канонический» подход к морфологии позволяет выделить редкие и интересные типы лексем и парадигм, на которые ранее не обращали должного внимания.

Эндрю Спенсер (Andrew Spencer) в статье «Расширение отложительности: импликации для несоответствий в морфологии» (Extending deponency: Implications for morphological mismatches, с. 45–70) рассматривает случаи рассогласования между синтаксическим и морфологическим классом лексемы, а именно ситуации, когда, к примеру, существительное или глагол изменяются подобно прилагательному. Спенсер подробно рассматривает данные русского языка, где имеется несколько классов имен с «неправильным» склонением: существительные типа *столовая*, целиком склоняющиеся как прилагательные, посессивные прилагательные типа *мамин*, склоняю-

щиеся как существительные в формах им. пад. и вин. пад., и фамилии типа *Чехов*, у которых субстантивные флексии имеются также почти во всех косвенных падежах мужского рода. Другой случай такого рода в русском языке – словоизменение глагола в прошедшем времени, где выступают формы, характерные для адъективной, а не для глагольной парадигмы. В качестве нетривиальной параллели к русским данным Спенсер приводит материал японского языка, где ряд отрицательных форм глагола изменяются по адъективной модели. Далее, Спенсер обращается к материалу современных индоарийских языков, рассматривая спряжение в языке хинди, где лишь единичные подпарадигмы изменяются по лицам и числам, а основная масса форм подобно прилагательным, различает лишь род и число, и посессивные конструкции в хинди и в цыганском языке. В хинди в функции генитива выступает послелог, согласующийся по роду, числу и падежу с вершинным именем; эти конструкции являются своего рода аналитическими аналогами русских посессивных прилагательных типа *мамин*, отличаясь, тем не менее, от них по синтаксическим свойствам. Аналогичная ситуация представлена и в цыганском языке, с тем отличием, что здесь посессивный показатель является уже не послелогом, а именным суффиксом. Таким образом, оказывается, что фрагмент субстантивной падежной парадигмы (по синтаксическим свойствам индоарийские «генитивы» вполне аналогичны другим падежным формам в этих языках) проявляет ряд свойств полноценного прилагательного. В заключении статьи Спенсер описывает рассмотренные им факты с точки зрения признаков «канонического» словоизменения à la Корбет и выстраивает детальную классификацию различного рода несоответствий между синтаксическими и морфологическими свойствами лексем и отдельных словоформ.

Грегори Стамп (Gregory Stump) в статье «Импликации неканонического случая отло-

² Имеется в виду трактовка синкретизма как асимметричного явления: например, в русском языке у одушевленных имен разумно постулировать синкретизм, «направленный» от род. пад. мн. числа к вин. пад. мн. числа; см. подробнее [Аркадьев 2006].

жительности» (Non-canonical pattern of deponency and its implications, с. 71–95) подробно рассматривает материал санскрита (в основном в ведийской его разновидности), где соотношение залоговых форм глагола заметно отличалось от ситуации в латинском языке. В санскрите весьма значительное число глаголов принадлежали к классам *activa tantum* (так наз. *parasmaipadin*) и *media tantum* (так наз. *ātmanepadin*), в то время как класс глаголов, имевших обе залоговые формы (*ubhayaipadin*), был заметно ограничен. Стамп демонстрирует, что принадлежность глагола к классам *parasmaipadin* и *ātmanepadin* не была во многих случаях мотивирована семантически. Стамп противопоставляет два возможных типа отложительности: чисто морфологическую (*form-deponency*), когда подходящая по семантике грамматическая категория выражается при помощи «неправильной» формы, и более глубинную морфосинтаксическую (*property-deponency*), когда несоответствие наблюдается между значением грамматической категории и семантико-синтаксической функцией. При помощи весьма тонкой аргументации Стамп показывает, что санскритские *media tantum* являются собою второй тип отложительности: многие санскритские *ātmanepadin* являются семантически активными, однако на всех уровнях проявляют медиальный морфосинтаксис. В качестве типологических параллелей в статье рассматривается спряжение в языках *сора* (семья мунда, Индия) и *муна* (австронезийская семья). Данная статья интересна в первую очередь систематическим анализом синтаксиса и семантики санскритских медиальных и активных глаголов, проиллюстрированным значительным числом примеров из древнеиндийских текстов.

Две статьи сборника посвящены языкам, на материале которых в античной традиции было разработано понятие «отложительность», – древнегреческому и латыни. Николаос Лавидас (Nikolaos Lavidas) и Димитра Папангели (Dimitra Papangeli) в статье «Отложительность в истории греческого языка» (*Deponency in the diachrony of Greek*, с. 97–126) исследуют эволюцию этого явления в греческом языке от классического периода до современной эпохи и показывают, что класс отложительных глаголов не был стабильным: одни лексемы в ходе истории переходили из класса *media tantum* в класс стандартных переходных глаголов, однако авторы отмечают и противоположное развитие. Авторы заключают, что явлению отложительности в истории греческого языка нельзя дать никакого единообразного описания в синтаксических или семантических терминах. Чжен Сю (Zheng Xu), Марк Аронов (Mark Aronoff) и

Фрэнк Аншен (Frank Anshen) в статье «Отложительность в латыни» (*Deponency in Latin*, с. 127–143) проводят статистическое исследование разных типов отложительности в латинском языке. Основной вывод этой статьи заключается в том, что в латинском языке депонентная морфология имела определенную семантическую мотивацию, а именно, соотносилась с непрототипически переходными глаголами (в понимании переходности в духе работы [Hopper, Thompson 1980]): большая часть латинских *verba deponentia* соотносится с разного рода психическими и социальными ситуациями, либо с такими действиями, которые не затрагивают напрямую физического состояния объекта. С морфологической точки зрения обнаруживается, что депонентность была весьма характерна для отадъективных глаголов. Кроме того, выделяется три «локуса» депонентности: глагольный корень (тем самым, депонентным оказывается целое словообразовательное гнездо), лексема или видо-временная основа; первый тип является наиболее частотным.

Эндрю Хипписли (Andrew Hippisley) в статье «Декларативная депонентность: анализ морфологических несоответствий в терминах сетевой морфологии» (*Declarative deponency: A Network morphology analysis of morphological mismatches*, с. 145–173) предлагает описание явлений отложительности (как в узком, так и в широком смысле) в рамках формальной теории «сетевой морфологии» (*Network morphology*), разработанной Surrey morphology group. Основные идеи и формальный аппарат этой концепции изложены в работе [Корбет, Фрэзер 1997]; в ее основе лежит понятие «наследования по умолчанию» (*default inheritance*): объекты, описываемые в рамках теории, входят в многоступенчатую иерархическую классификацию, и узлы более низкого уровня (например, «отложительные глаголы») наследуют всю информацию от вышестоящих узлов (например, «глаголы»), за исключением тех случаев, когда они обладают какими-либо специфическими свойствами (в данном случае, тем, что в функции активных форм употребляются пассивные). В статье подробно излагается анализ отложительных глаголов латинского языка и нерегулярных существительных арчинского языка.

В сборник также включены следующие статьи: Джонатан Бобалик «Границы отложительности: чукотскоцентричная перспектива» (Jonathan Bobaljik, *The limits of deponency: A Chukotko-centric perspective*, с. 175–201), где излагается морфосинтаксический анализ «несобственного» употребления антипассива в чукотском спряжении в терминах распределенной морфологии (*Distributed morphology*,

см. [Harley, Noyer 1999]) и приводится интересная параллель из баскского языка; Джеф Гуд «Приближаясь к отложительности: семейство несоответствий в глагольных основах языков банту» (Jeff Good, *Slouching towards deponency: A family of mismatches in the Bantu verb stem*, с. 203–230), где рассматриваются различные случаи «ложных» каузативов, пассивов и аппликативов в языках нанде, ньямвези, мвини, ганда и др.; Рикардо Бермудес-Отеро «Псевдомножественное число в испанском языке: помощь фонологии при усвоении несоответствия между морфологией и синтаксисом» (Ricardo Bermúdez-Otero, *Spanish pseudoplurals: Phonological cues in the acquisition of a syntax-morphology mismatch*, с. 231–269) анализирует несколько типов испанских существительных с омонимией единственного и множественного числа, по-разному ведущих себя при образовании уменьшительных (ср. *virus* 'вирус' ~ *virusito* vs. *Carlos* ~ *Carlito*); Николас Эванс «Псевдоаргументные аффиксы в языках ивайдя и ильгар: депонентное согласование с субъектом и объектом» (Nicholas Evans, *Pseudo-argument affixes in Iwaidja and Ilgar: A case of deponent subject and object agreement*, с. 271–296), где изучаются лексикализованные употребления субъектных и объектных местоименных показателей глагола в двух языках североавстралийской семьи ивайдя. В каждой из этих статей анализируются чрезвычайно интересные и разнородные данные, которые объединяет, по-видимому, лишь более или менее очевидное в каждом случае отсутствие прямого соответствия между морфологическим статусом основы или показателя и их синтаксической или семантической функцией. Насколько к каждому из этих явлений применимо собственно понятие «депонентность», даже в широком смысле, остается неочевидным, и авторы статей иногда признают это. Тем не менее, эти статьи все вместе и по отдельности представляют значительный интерес для типологов и морфологов.

Сборник завершает статья известного морфолога Питера Мэтьюза (Peter Matthews) «Насколько надежны наши интерпретации?» (How safe are our analyses?, с. 297–315), в которой сравниваются описания отложительности в античной грамматической традиции и в современной лингвистике и рассматриваются разного рода «подводные камни», подстерегающие лингвиста при изучении этого феномена. Важным выводом данной статьи, по-видимому, необходимо признать то, что лингвисты нередко смешивают собственно факты (например, употребление одного типа окончаний вместо другого у тех латинских глаголов, которые принято называть «отложительными») и их интерпретации, и именно на основа-

нии последних строят типологические и теоретические обобщения. Мэтьюз обращает внимание на то, что разного рода «неканонические» с теоретической точки зрения морфологические явления могут в конкретных языках иметь высокую степень регулярности, и предлагает подходить к языкам с точки зрения тех проблем, которые они ставят перед лингвистическим анализом, и естественных с точки зрения конкретного языка решений этих проблем.

В заключение, следует еще раз отметить, что даже если собственно понятие «депонентности в широком смысле» оказалось не столь полезным, как можно было предполагать, поскольку явления несоответствия между семантико-синтаксической функцией и морфологическим выражением оказываются в разных языках слишком разнородными и вызванными самыми различными факторами, сам сборник «Отложительность и морфологические несоответствия», вне всякого сомнения, чрезвычайно удачен, поскольку в нем впервые систематически обсуждается целый ряд интереснейших фактов и делаются важные выводы для морфологической теории и типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. *The syntax-morphology interface. A study of syncretism* (Cambridge studies in linguistics, 109). Cambridge: Cambridge University Press, 2005 // ВЯ. 2006. № 5.
- Корбет, Фрэзер 1997 – Г.Г. Корбет, Н.М. Фрэзер. Компьютерная лингвистика и типология // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. *The syntax-morphology interface. A study of syncretism* (Cambridge studies in linguistics, 109). Cambridge, 2005.
- Corbett 2005 – G.G. Corbett. *The canonical approach to typology* // Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood (eds.). *Linguistic diversity and language theories*. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Corbett 2007 – G.G. Corbett. *Canonical typology, suppletion and possible words* // *Language*. V. 83. 2007. № 1.
- Harley, Noyer 1999 – H. Harley, R. Noyer. *State-of-the-article: Distributed morphology* // *GLOT International*. V. 4. 1999. № 4.
- Hippisley et al. 2004 – A. Hippisley, M. Chumakina, G.G. Corbett, D. Brown. *Suppletion. Frequency, categories and distribution of stems* // *Studies in language*. V. 28. 2004. № 2.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. Hopper, S.A. Thompson. *Transitivity in grammar and discourse* // *Language*. V. 56. 1980. № 2.

П. М. Аркадьев